

ГЛАВА ШЕСТАЯ

архиве города Милана был найден подлинник письма Фиораванти к миланскому герцогу Галеаццо Мариа. Фиораванти рассказывает о своей поездке на южное побережье «Гиперборейского океана», столь accurately изображенного в средневековых космографиях. В русских летописях и в соображениях современников об этом путешествии ничего не упоминается; в итальянской же литературе о нем стало известно только в прошлом столетии из брошюры Гуаланди. Фиораванти писал:

«Светлейшему князю и превосходительному господину моему, которому, где бы я ни был, желаю служить всячески. Находясь снова в великом государстве, в городе славнейшем, богатейшем и торговом, я выехал на 1500 миль далее, до города, именуемого Ксалауоко, в расстоянии 5000 миль от Италии, с единой целью — достать кре-

четов. Но в этой стране путь верхом на лошади весьма медлителен, и я прибыл туда слишком поздно и не мог уже достать белых кречетов, как того желал, но через несколько времени они у меня будут, белые, как горностаи, сильные и смелые. Покамест через подателя этого письма, моего сына, посылаю тебе, светлейший князь, двух добрых кречетов, из которых один еще молод, и оба хорошей породы, а через немного линяний они станут белыми. Если твоей светлости угодно иметь великолепных соболей, горностаев и медведей, живых или убитых, могу тебе их достать, сколько ни пожелаешь, ибо здесь рождаются и медведи и зайцы белые, как горностаи. Когда я отправляюсь охотиться на таких зверей, между ними есть такие, которые от страха бегут к океану и прячутся под водой 15—20 дней, живя там подобно рыбам. В средние лета в продолжение двух с половиной месяцев солнце вовсе не заходит, и когда оно в полночь на самой низкой точке, то оно так же высоко, как у нас в 23 часа ночи. Время коротко, коротко, и я не могу рассказать тебе много (а также всегда об истинах, носящих личину лжи, лучше крепко сомкнуть уста, чтобы избежать безвинного позора). Я всегда бодр и готов исполнить дело, достойное твоей славы, почтительнейше себя ей поручая. Дано в Москве 22 февраля 1476. Твой слуга и раб Аристотель, архитектор из Болоньи, подписался».

Письмо дает возможность установить, где именно на севере побывал один из культуртрегеров эпохи Возрождения. 1500 старинных итальянских миль равны 3000 км; город «Ксалауоко» — не что иное, как искаженное название Соловков; сообщение о моржах и белых медведях, наконец отмеченная высота полуденного солнца, примерно

69° северной широты, говорят не только о побережье Белого моря, но даже о Мурманском берегу, где уже существовало небольшое поселение Кола.

По дороге на север, кроме каменных храмов Ростова и Ярославля, Фиораванти мог видеть целый ряд своеобразных образцов деревянного строительства лесного края. В Поморье в те времена ничего еще не строили из камня: жилые дома, острожки, церкви, монастырские стены и башни — деревянные. В Устье Великом Фиораванти мог видеть знаменитую двадцатистенную «Успенскую» церковь. Несмотря на крайне малую населенность мест, по которым проезжал Фиораванти, он все же, встречая образцы деревянного зодчества, составил достаточно полные данные об архитектуре Московии.

Шестидесятилетний Аристотель Фиораванти, по профессии и призванию первоклассный архитектор-художник, безусловно обладал также и жилой путешественника-открывателя. Согласившись поехать на службу в Московию, страну всевозможных диковин, он не остановился перед непосредственными трудностями путешествия и на далекий север; долгими неделями и месяцами пробирался через реки и девственные дубри, частью на лодке, главным же образом на лошади, под постоянным риском нападения хищных зверей. Англичанин Дженкинсон, путешественник более позднего времени (вторая половина XVI столетия), когда эти места стали несравненно населеннее, сообщает, что при плавании по С. Двине от Холмогор (на Белом море) до Вологды ему не пришлось побывать ни в одной избе; он со своими спутниками останавливался на ночлег на берегу реки, под открытым небом, питаясь припасами, взятыми с собою. Дженкинсон рекомендовал

посещающим северные трудобы непременно иметь при себе топор, огниво с трупом, котел и достаточно пищи, так как этого не достать в пути. Во времена Фиораванти поездка по Поморью, разумеется, была еще сложнее, но это не могло остановить его. Риск опасной экспедиции в одиночку, только с одним проводником-переводчиком, мог окупиться сторицею новыми и ценными открытиями.

На деле все оказалось проще и не соответствовало баснословным космографий, с которыми Фиораванти, разумеется, был знаком. Он испытал известное разочарование, хотя повидал немало «чудесного» вроде незахождения солнца вместо ожидаемого вечного «гиперборейского мрака» и зной северного лета вместо вечных льдов и снега.

Это шло вразрез с рассказами космографий, но Фиораванти в своем коротком письме не опровергает показаний этих еще общепризнанных авторитетов. Контраст между действительностью и небывлицами космографий был настолько велик, что Фиораванти мог быть даже заподозрен во лжи.

После викингов, скандинавских купцов-пиратов, открывших в конце IX столетия Биармию¹ и поддерживавших с нею сношения еще в начале XIII столетия, Аристотель Фиораванти был первым и пока единственным известным из всего средневековья европейским путешественником, посетившим Поморье. В свое время путешествие осталось совершенно незамеченным и стало известным лишь через

¹ *Биармия* или *Биармаланд* (береговая страна) — скандинавское название древнего финского царства, в пределы которого входила Пермская область и земли от Северной Двины до Урала. Некоторые последователи в русском названии *Перми* видят искаженную Биармию.

четыреста лет и то в узком кругу; поэтому вся честь «открытия» нашего Поморья и бывшей Биармии выпала на долю англичан, установивших в середине XVI столетия новый, морской путь в Московию через Ледовитый океан и Белое море.

Можно предположить, что обратный путь из Поморья в Москву Фиораванти совершил озерной дорогой, через дебри Повенца и Олонецкого края на Старую Ладугу с ее древними храмами XII века. В таком случае он должен был заехать и в Новгород Великий — познакомиться с замечательными новгородскими храмами.

Работы по постройке московского собора, раз налаженные, шли быстрым темпом, и в течение лета 1476 г. стены собора были выведены по кроты, снаружи сделанные в виде пояса из колонок, соединенных перемычками. Для достижения большей прочности стен в них были заложены железные втуцы (связи), а для предотвращения распора сводов вместо обычных дубовых брусьев тоже применяли железные кованые связи со штырями (вертепа).

На третье лето (1447) здание вывели до подсводной части. Камень и кирпич на эту высоту уже не стали носить, как прежде, на плечах: «хитроумный Аристотель» устроил большое колесо с малыми колесцами — приспособление, которое русские плотники называли *векшею*. Этою лебедкою все тяжести при помощи веревок подавали на верх постройки. Удивительным казалось также, что Фиораванти на внутренние столбы храма положил по четыре «великих камня» и, соединив кружало (свод), вытесал на этих камнях скульптурные украшения. Это были капители столбов, не сохранившиеся до нашего времени и имев-